

RUSSIAN ACADEMY OF SCIENCES
INSTITUTE OF PHILOSOPHY

Morality

diversity
of concepts
and meanings

A Festschrift

for the 75-th birthday
of Abdusalam Guseynov

MOSCOW • ALFA-M • 2014

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
ИНСТИТУТ ФИЛОСОФИИ

Мораль

разнообразие
ПОНЯТИЙ
И СМЫСЛОВ

Сборник научных трудов

К 75-летию академика
А.А. Гусейнова

МОСКВА • АЛЬФА-М • 2014

УДК 17
ББК 87.7
М79

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда,
проект № 13-03-16004

Ответственный редактор и составитель *О.П. Зубец*

Рецензенты:
доктора философских наук *Б.Н. Кашиников, И.Д. Тищенко*

М79 **Мораль: разнообразие понятий и смыслов** : сборник научных трудов. К 75-летию академика А.А. Гусейнова. – М. : Альфа-М, 2014. – 448 с.

ISBN 978-5-98281-378-7

Что такое мораль? Как она возможна? Эти вопросы являются основными для философской этики. Ответы были такими же разнообразными, как и сами философско-этические теории. В настоящей книге представлено сегодняшнее многообразие представлений о морали. Книга состоит из двух частей. В первой развернуты различные теоретические позиции, сфокусированные вокруг обоснования и критики идеи морального абсолютизма. Во второй части более 40 специалистов из разных стран отвечают на вопрос о том, как они понимают мораль; в этой части тексты даны на языке оригинала и в переводе (соответственно на английский и русский языки). Уникальность книги как международного проекта состоит в том, что она представляет собой самопрезентацию современной этики и дает читателю возможность познакомиться с ней «из первых рук».

Для философов, специалистов в области этики. Может быть использована как в исследовательской, так и в преподавательской работе.

УДК 17
ББК 87.7

ISBN 978-5-98281-378-7

© Институт философии РАН, 2014
© «Альфа-М», Оформление, 2014

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	11
<i>А.А. Гусейнов</i> • Нравственность в свете негативной этики	13
<i>Р.Г. Апресян</i> • Смысл морали	35
<i>Д.В. Максимов</i> • О феномене морали	64
<i>А.В. Разин</i> • Добродетель – не запрет	80
<i>А.Г. Гаджикурбанов</i> • Основания морали	90
<i>А.В. Прокофьев</i> • О концепции морали (нравственности) <i>А.А. Гусейнова</i>	113
<i>К.А. Свасьян</i> • Будущее морали	131
<i>А.П. Скрипник</i> • Что такое нравственность	144
<i>О.П. Зубец</i> • Предпочтение жизни самого себя	174
ЧАСТЬ ВТОРАЯ	201
<i>Р.Г. Апресян</i>	203
<i>Ruben Апресян</i>	208
<i>О.В. Артемьева</i>	212
<i>Olga Artemyeva</i>	216
<i>Jovan Babič</i>	219
<i>Јован Бабић</i>	221
<i>Bangchun Liu</i>	224
<i>Бангчун Лю</i>	225
<i>Miran Božovič</i>	227
<i>Миран Божович</i>	230
<i>Predrag Cicovacki</i>	233
<i>Предраг Чичовачки</i>	235

Между тем существуют традиционные методики метафизического распознавания истинного содержания морального действия, или нравственного качества человеческих поступков. Платон утверждал, что для выявления подлинной сущности эмпирических явлений нужно прояснить их идеальный смысл (эйдос). Кант выделял в каждом явлении реальности два аспекта: феноменальный, доступный чувственному познанию, и ноуменальный, постигаемый только разумом. Один – видимый, другой – сокрытый для предметного созерцания. Еще острее высказался Хайдеггер, который обнаруживал в каждом *сущем* присутствие его *бытия*: существующий предмет мы видим, но как присутствует в нем его бытие? Мы уже отмечали, что для морального существования недостаточно наличия одного только *сущего*, – оно должно быть дополнено уровнем *должного*, которое в предметном содержании человеческих действий не улавливается. Таким образом, этический дискурс каждый раз неизбежно возвращает нас к проблеме *понимания* нравственного смысла поступка.

А.В. Прокофьев

О концепции морали (нравственности) А.А. Гусейнова

Абдусалам Абдулкеримович Гусейнов является уникальной фигурой для российского (или, вернее, русскоговорящего) этического сообщества. Понимание сущности морали (нравственности), предложенное им, представляет собой масштабный синтез аристотелианских и стоических, кантианских и толстовских отправных посылок. В этом синтезе нет ни грана эклектики: он органичен, целостен и последователен. Для меня как человека, пришедшего в этику в 1990-е гг. и мало затронутого марксистскими интерпретациями морали (нравственности), именно это понимание служит постоянной точкой отсчета и важнейшим центром притяжения в ходе любого исследования, посвященного вопросам философской этики. Я неоднократно ловил себя на мысли, что самым эффективным способом найти точки соприкосновения с российским этиком, отстаивающим противоположную теоретическую позицию, служит перевод разногласий на тот концептуальный язык, который был предложен А.А. Гусейновым. Этот безотказный прием позволяет перенести спор в общую систему координат, дает возможность представить свои собственные доводы как весомые и заслуживающие внимания и одновременно почувствовать значимость чужих аргументов.

Однако в силу вполне естественных причин пристальное внимание к концепции ведет к тому, что предметом постоянного осмысления оказываются не только теоретические прорывы, содержащиеся в ней, но и некоторые уязвимые моменты аргументации. Концепция, формирующая исходное видение определенного исследовательского пространства, попадает под вопрос в связи с каждой попыткой интеллектуального самоопределения, в связи с анализом каждой новой проблемы, в работе над которой это исходное видение оказывается задействовано. В итоге неизбежно формируется повышенная чувствительность к лакунам и «очагам напряженности» концепции, даже если целостная альтернативная теория на основе накопившегося понимания затруднений так и не сложилась. В следующем ниже рассуждении я хотел бы провести своего рода «инвентаризацию сомнений», возникающих у меня при проецировании ряда идей А.А. Гусейнова в различные исследова-

тельские контексты философии морали. Я буду активно опираться при этом на его статью «Нравственность в свете негативной этики» и ответ на вопрос «Что такое мораль?», опубликованные в этой книге. Однако, учитывая то обстоятельство, что в них параллельно решаются задачи представления выдвинутых в этической мысли теоретических подходов к морали (нравственности) и выражения собственной позиции, я буду использовать в своем тексте и некоторые другие работы философа.

Определение морали

В одной из своих работ начала 2000-х гг., посвященной выявлению границ понятия «мораль» («нравственность»), А.А. Гусейнов определяет это явление как «индивидуально-ответственное поведение, рассмотренное в его зависимости от смысложизненных целей деятельности человека»¹. Если опустить исходное утверждение обоих его текстов, вошедших в эту книгу («мораль (нравственность) состоит в том, чтобы не убивать и не лгать, а задача этики состоит в том, чтобы обдумать, почему это так»)², то в их вводно-дефинитивной части также преобладает именно это понимание морали (нравственности). Она, по мнению А.А. Гусейнова, формируется стремлением человека «наполнить собственную жизнь таким смысловым содержанием, которое он считает для себя наилучшим»³ и реализовать свою способность к «индивидуально-ответственным действиям – действиям, которые совершаются в силу решения и решимости совершить их»⁴. Возникает вопрос, насколько точно такие формулировки охватывают характеризующее явление? Представим себе, что перед нами человек, ведущий осмысленную жизнь, выстраивающий свою деятельность так, чтобы она зависела преимущественно от его собственных решений, человек, поступающий индивидуально-ответственно. Можно ли с точностью сказать, что это и есть нравственный человек? Можно ли употребить в речи это описание так, чтобы оно полноценно заменяло слово «нравственный» или «моральный»? Я не уверен, что ответ на эти вопро-

¹ Гусейнов А.А. Понятие морали // Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 4. М.: ИФ РАН, 2003. С. 4.

² Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 13, 282.

³ Там же. С. 283.

⁴ Там же. С. 15.

сы может быть положительным. Если такая возможность и существует, то лишь потому, что в определении используется понятие «ответственный», которое в нефилософском языке часто оказывается ценностно нагруженным, употребляется там, где речь идет об ответственности за другого человека, общество, общественно значимое дело и т.д. Употребление этого слова изначально предполагает, что забота о другом человеке или о судьбе сообщества – это благо. Однако определение А.А. Гусейнова построено так, что ценностная нагруженность понятий «ответственность», «ответственный» не играет в нем существенной роли. Это ярко подтверждается обсуждением нравственной ответственности в категориях философии поступка М.М. Бахтина. Понятие «ответственный» в этой перспективе означает исключительно то, что человек осознает «авторский» характер собственных действий и старается его сохранить (см. следующий пункт статьи).

У меня в связи с этим возникает вопрос: разве индивид, соответствующий данному определению морали (нравственности), не мог бы убить невиновного, обмануть доверившегося, пренебречь тем, кто лишен помощи и заботы, и т.д.? Однако именно такие действия повсеместно и в первую очередь воспринимаются как безнравственные (аморальные). Можно предположить, что осмысленность жизни и стремление самому принимать решения, формирующие ее канву, по каким-то причинам противоречат совершению подобных поступков. Именно так и построено дальнейшее рассуждение А.А. Гусейнова: в нем индивидуально-ответственное существование оказывается немислимо без исполнения запретов, среди которых центральное место занимает запрет на насильственные действия по отношению к другому человеку. Однако это означает, что противоположность между особым (ответственным) отношением к своей жизни и перечисленными выше образцами поведения (убийством, обманом, отказом от помощи) стоит под вопросом и требует доказывания. Выдвигаемые при этом аргументы могут оказаться очевидными для одних людей и неочевидными для других. Не убежденный ими человек мог бы сказать, что убийство невиновного, совершенное ради получения удовольствия от самого процесса, но ставшее при этом следствием глубоко отрефлексированного экзистенциального выбора, является нравственным поступком. Однако это было бы очевидным насилием над языком. Отсюда следует, что невозможность подобного использования слова «нравственный» («моральный») должна прямо вытекать из определения морали (нравственности).

Эту же мысль можно выразить несколько иначе. Сложно представить мораль (нравственность) без стремления к осмысленности существования и стремления к самостоятельному определению характера собственной жизни. Однако обсуждая дефиницию морали (нравственности), пытаясь зафиксировать логические границы этого явления, мы не можем а priori утверждать, что такое стремление является его сердцевиной, из которой следует все остальное. Взятое само по себе, это стремление может и не порождать всех тех феноменов, которые перекрываются понятием «мораль» («нравственность»). Рассуждение, отталкивающееся от индивидуально-ответственного характера поведения и заканчивающееся обоснованием запретов, не является рассуждением, которое опирается на определение этого феномена. Оно представляет собой отдельную философскую теорию истоков морали (нравственности), по-своему отвечающую на вопрос «Почему я должен быть моральным?», но не является полноценным ответом на вопрос «Что такое мораль?». В этом смысле исходное утверждение обоих текстов оказывается ближе к такому определению морали (нравственности), которое было бы именно ее определением, а не отдельной философской интерпретацией.

Другой уязвимый момент дефиниций морали (нравственности), опирающихся на концепт индивидуально-ответственного поведения, связан с множественностью ценностно-нормативных сфер культуры и индивидуального опыта, частью и только частью которых является мораль (нравственность). Такие определения ведут к смешению нравственного долга с другими видами долженствования. В статье «Нравственность в свете негативной этики» эта тенденция проявляется в рассуждении о природе морального добра, в рамках которого последнее оказывается тождественно «высшему благу». Высшее благо рассматривается А.А. Гусейновым в контексте того обстоятельства, что «более общие и важные цели подчиняют себе менее общие и важные, низводя их до уровня средства». В этом процессе высшее благо является «верхним пределом» – «самой общей и важной целью, за которой уже нет другой цели и которая не может быть низведена до уровня средства»¹. Способность стремиться к так понятому благу (добру) «соединяет ограниченность непосредственного поведения человека с его уходящим в бесконечность идеальным устремлением и поднимает его существование на уровень задачи, предназначения, миссии»². На выходе этого рассуждения возникает

¹ Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 15.

² Настоящее издание. С. 15.

тезис, что высшее благо (моральное, или абсолютное, добро) связано с дружественным отношением к другому человеку. Однако почему не с художественным творчеством жизни, религиозным благочестием, мистической сосредоточенностью, познанием природы? Совершенство в каждой из этих духовных практик вполне может выступать в качестве высшей цели. В качестве таковой может выступать и комплексное совершенство, состоящее в сочетании достижений во всех сферах. Можно ли сказать, что стремление к такому перфекционистскому оптимуму есть мораль (нравственность)? Положительный ответ противоречит особенностям употребления этих слов. Другими словами, и понятие «высшее благо», и понятие «добро» без дополнительной их квалификации заставляют вести речь не об отдельном специфическом явлении в области ценностей и оценок, а обо всей этой области. Не случайно понятие «добро» всегда «двоится» в философских размышлениях – оно обсуждается как единый абсолют и как один из абсолютов. Используя его, мы автоматически берем на себя обязательство на фоне «добра – комплексного абсолютного» выделять «моральное добро», опираясь при этом на какие-то ясные критерии выделения морального ценностно-нормативного содержания на фоне других ценностей и норм. Однако такие критерии в упомянутых выше определениях А.А. Гусейнова не предложены. Содержащееся во вводно-дефинитивной части статьи «Нравственность в свете негативной этики» указание на то, что «предметной областью» морали (нравственности) служат отношения между людьми, вряд ли решает эту задачу¹. Исходное утверждение обоих текстов А.А. Гусейнова, представленных в этой книге, о тождестве морали и двух конкретных запретов приближает нас к разграничению комплексного абсолютного и сугубо морального совершенства, но в качестве части определения морали имеет свои недостатки (см. третий пункт этой статьи).

Мне представляется, что, отвечая на вопрос «Что такое мораль?», правильнее отталкиваться от общераспространенного смысла таких слов, как «моральный» («аморальный») или «нравственный» («безнравственный»), а не от теоретических интерпретаций этого смысла, которые могут как очень сильно расширять, так и очень сильно сужать смысловое пространство морали (нравственности). Опираясь на специфику тех понятий, которые задействованы при вынесении оценок, имеющих статус нравственных с точки зрения самих носителей живого нравственного сознания, можно сформулировать

¹ См.: Там же. С. 16.

следующий набор формальных и содержательных свойств морали (нравственности). Во-первых, объективно предписательный характер суждений, который порожден объективным характером обосновывающих эти суждения принципов и норм. Во-вторых, универсализуемый характер суждений, который порожден тем, что обосновывающие эти суждения принципы и нормы универсальны. В-третьих, приоритетный характер суждений, а также обосновывающих их принципов и норм по отношению к суждениям, принципам и нормам, выражающим другие типы долженствования (эстетическое, религиозное, познавательное, обычное, правовое и т.д.). В-четвертых, обязательное сочетание и взаимная поддержка двух форм нормативного содержания: «правил долга», требующих выполнения определенных действий или воздержания от них, и «идеальных правил», требующих формирования определенных черт характера, переживаний, мотивов. В-пятых, неинституциональный характер регулирования поведения, выражающийся: а) в опоре на идеальные (нефизические) и преимущественно внутренние санкции, б) в исключительно горизонтальной направленности оценок, т.е. в отсутствии инстанций, которые специально уполномочены интерпретировать принципы и нормы или выносить на их основе оценочные суждения. В-шестых, убеждение в равной, внутренней, неинструментальной и неустранимой ценности личности каждого человека, которое находит свое выражение: а) в принципах и нормах, требующих не причинять, предотвращать и смягчать вред, а также осуществлять заботу; б) в принципах и нормах, требующих культивировать в себе мотивы и свойства личности, выражающиеся в этих действиях¹.

Нравственный поступок

Как сфера индивидуально-ответственного поведения мораль (нравственность) немислима без свободных и глубоко персонализированных индивидуальных действий – поступков. Понимание поступка, развиваемое А.А. Гусейновым, опирается на философию поступка М.М. Бахтина, которая рассматривает поступок в контексте двух видов ответственности –

¹ Подробнее этот подход и результаты его применения раскрыты мною в тексте, специально посвященном вопросу об определении морали (см.: настоящее издание. С. 394–398).

«специальной» и «нравственной». В ответе А.А. Гусейнова на вопрос «Что такое мораль?» ключевое утверждение, связанное с феноменом «поступания», состоит в том, что «решение о поступке автономно по отношению ко всем связанным с его содержанием соображениям», и лишь «после того, как оно принято, эти соображения становятся решающими». При этом «содержание поступка», о котором идет речь в предыдущем высказывании, есть то, что определяется в нем «этическими рекомендациями и предостережениями», а также иными «знаниями», вероятно, теми, которые относятся к его физической структуре и последствиям¹. На мой взгляд, это рассуждение требует соотнесения с реальной механикой морального выбора. И такое соотнесение порождает ряд вопросов, без ответа на которые обсуждаемая теория поступка остается непроясненной. Как возможен выбор поступка без учета его содержания? По какому принципу в таком случае выбирается определенный поступок при его сравнении с другими линиями поведения? Неужели, по принципу: пусть будет любое действие, лишь бы оно было подлинно моим, помеченным моей подписью? Но ведь даже для такого выбора, который ориентирован исключительно на аутентичность деяния и который, по большому счету, сложно назвать моральным, содержание поступка, отображающееся в знании о тех или иных его характеристиках, выступает как необходимый ориентир. Я же должен решить, почему из ряда альтернативных действий подлинно моим будет это, а не то. Значит, даже игнорируя «этические рекомендации и предостережения», я соотношу знание о себе и знание о содержании поступка. Иначе поступок должен избираться как нечто абсолютно бесформенное, неопределенное: мною принимается решение действовать, но не принимается решение, как именно действовать. Можно ли это вообще назвать решением? Не совсем понятно и то, как содержание поступка становится «решающим» после того, как решение принято. Если решение уже принято, подпись уже поставлена, зачем заниматься дополнительным анализом содержания?

Мне представляется, что даже М.М. Бахтин не являлся столь радикальным сторонником разделения «специальной» и «нравственной» ответственности, «специального долженствования» и «долженствования этического». Конечно, в его наброске «К философии поступка» немало фрагментов, из которых можно сделать вывод о том, что этическое (моральное, нравственное) – это

¹ Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 285.

лишь «тональность» деятельности, т.е. некое сугобо формальное качество человеческого существования, которое не предполагает никакой объективной «канвы», никакого общего поведенческого рисунка и отражает способность человека действовать, понимая свою уникальность, отождествляя сделанное с самим собой, не списывая характер своих действий на их внешнюю предзаданность. Однако, в той же самой его работе много утверждений иного характера. Утверждений, которые фиксируют присущее морали (нравственности) совмещение уникального и всеобщего, глубинно моего и внешним образом заданного, формального и содержательного. Такие фрагменты сконцентрированы вокруг понятий «значимость», «смысл», «смысловое содержание», «смысловая значимость» поступка. Например: «Ответственность поступка есть учет в нем всех факторов: и смысловой значимости, и фактического свершения во всей его конкретной историчности и индивидуальности; ответственность поступка знает единый план, единый контекст, где этот учет возможен, где и теоретическая значимость, и историческая фактичность, и эмоционально-волевой тон фигурируют как моменты единого решения, причем все эти разнозначные при отвлеченной точке зрения моменты не обедняются и берутся во всей полноте и всей своей правде». Или короче: «всякая общезначимая ценность становится действительно значимой только в индивидуальном контексте»¹. Опираясь на эти фрагменты, М.М. Бахтину можно приписать акцентирование ситуативно-личностного характера моральных решений, которые осуществляются в сфере притяжения содержательных ценностных ориентиров, но не более того. Это вполне взвешенная позиция, которая не устанавливает какой-то жесткой очередности перехода от подписи под поступком к учету его содержания и наоборот.

Впрочем, в работах Гусейнова также встречаются более мягкие формулировки, касающиеся этой проблемы. Они также, как и упомянутые фрагменты Бахтина, указывают, скорее, на необходимость совмещения нормативной и индивидуально-творческой ипостаси морали (нравственности) как равноправных ее проявлений. Например: «Поступок может и должен совершаться во всеоружии сопряженных с ним знаний, но это не отменяет его единственности и непредсказуемой принципиальной новизны». Отсюда следует вполне оправданное теоретическое целеполагание: «Соединение специальной ответственности с нравственной ответственностью или, что одно и то же,

¹ Бахтин М.М. К философии поступка // Собр. соч. Т. 1. М., 2003. С. 29, 35.

соединение закона и поступка на базе поступка, включение закона в контекст поступка, обоснование закономерного (абсолютного) поступка как условия поступания – такова, на мой сегодняшний взгляд, подлинная и, быть может, центральная проблема современной этики»¹. Однако ее развернутое решение, не разрушающее, а проясняющее моральный опыт, внутри концепции А.А. Гусейнова, как мне кажется, пока еще не предложено.

Запреты и предписания

Еще одна центральная тема в разработанном А.А. Гусейновым понимании морали (нравственности) – преимущественная или исключительная роль запретов в рамках ее нормативного содержания. Так как живое, общераспространенное моральное сознание не построено на однозначном отождествлении морали (нравственности) с запретами, то перед теоретиком, выдвигающим такой тезис, открываются два способа его обоснования. Либо утверждать, что живой моральный опыт не совсем корректен, либо утверждать, что возможна такая его интерпретация, в рамках которой несовпадение живого опыта и предлагаемого теоретического образа морали (нравственности) является мнимым. В первом случае действует тезис: «та совокупность устремлений и потребностей человека, которая стоит за таким явлением, как мораль (нравственность), может быть выражена исключительно (или преимущественно) с помощью запретов», во втором случае его место занимает иной тезис: «вся мораль (нравственность) в ее общераспространенном понимании – это и есть, в конечном итоге, запреты». В текстах А.А. Гусейнова, опубликованных в этой книге, встречаются оба подхода.

Яркий пример второго из них содержится в следующих отождествлениях: «справедливость – запрет на несправедливость, милосердие – запрет на насилие»². Нельзя не заметить метафорический характер этого утверждения. Справедливость, конечно, предполагает запрет на несправедливость, но ведь она предполагает и систему мер, которая придает этому запрету эффективность. Эта система мер очевидным образом является совокупностью предписаний. Нормативная основа противодействия противоправным деяниям не может быть

¹ Гусейнов А.А. Закон и поступок (Аристотель, И. Кант, М.М. Бахтин) // Этическая мысль: Ежегодник. Вып. 2. М.: ИФ РАН, 2001. С. 25.

² Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 286.

сформулирована в виде совокупности запретов, а само такое противодействие не может осуществляться в виде серии воздержаний (негативных поступков). Деятельность по защите прав сопровождается целым рядом дополнительных запретов и ограничений, но ее осуществление представляет собой результат исполнения позитивного долга. Это обстоятельство отчетливо выражено в цицероновском анализе аспектов справедливости. Две первых, фундаментальных обязанности справедливости, по Цицерону, состоят именно в том, чтобы «никому не наносить вреда, если только тебя на это не вызвали противозаконием» и «пользоваться общественной [собственностью] как общественной, а частной – как своей». Однако с ними неразрывно связана и третья обязанность: «бороться с противозаконием» (т.е. защищать себя и других членов общества от «противозаконных нападений»)¹.

С милосердием как выражением запрета на насилие ситуация еще более неоднозначная. Категорический отказ от применения силы по отношению к другому человеку является первым шагом в осуществлении милосердной любви. Однако по его совершению в центре оказывается служение другим людям, или безвозмездное стремление к тому, чтобы были удовлетворены их общечеловеческие потребности и индивидуализированные интересы. «Кто хочет быть большим между вами, да будем вам слугою», – провозглашает Христос (Мк. 10:43). Евангельское милосердное служение предполагает как избавление ближнего от опасности и смягчение его лишений в ситуации бедствия, так и предупредительное улучшение условий его существования в неэкстремальных условиях. Пример первого рода – деяния, которые Христос заповедует по отношению к «меньшим» (накормить, напоить, принять под кров, излечить, посетить в темнице), а также действия доброго самаритянина из соответствующей евангельской притчи. Пример второго рода – омовение ног Христом своим ученикам. Из современных этических категорий к милосердию ближе всего оказывается понятие заботы. Интересно, что сам А.А. Гусейнов, обсуждая конкретные запреты, не придерживается строгого негативизма: «Человек не убивает не тогда, когда он не убивает, а тогда, когда он не убивает, имея потребность, желание и возможность убить, когда он, например, подает руку врагу или преодолевает жгучее чувство мести»². «По-

дать руку врагу» – значит нечто гораздо большее, чем выполнить запрет на применение силы. Важным обстоятельством является и то, что подобная метафоричность ставит под угрозу сам замысел обоснования центральной роли запретов, который играет конституирующую роль в концепции А.А. Гусейнова. Все плюсы запретов в качестве моральной нормы исчезают, если с помощью лексических преобразований в запрет может быть переделано любое нравственное предписание.

Второй подход, связанный с тезисом «та совокупность устремлений и потребностей человека, которая стоит за таким явлением, как мораль (нравственность), может быть выражена исключительно (или преимущественно) с помощью запретов», явно преобладает в корпусе текстов А.А. Гусейнова. При этом в качестве фундаментальных запретов рассматриваются запреты на насилие и ложь. Какова логика обоснования этого тезиса? Она включает в себя три основных аргумента. Первый касается степени индивидуального контроля над действиями, реализующими норму. Вторым отталкивается от степени определенности требований, от точности знания о том, в чем состоит их реализация. Оба этих аргумента тесно связаны между собой, хотя и не идентичны, и опираются на мысль о различном соотношении целей, средств и результатов поступка в случаях исполнения запрета и исполнения предписания. Исполнение предписаний ориентировано на достижение цели, которая состоит в определенном изменении во внешнем мире. Например, выполнение обязанностей спасения другого человека или помощи ему удостоверяется тем, удалось ли сохранить ему жизнь или облегчить его положение посредством той или иной последовательности действий. Здесь достижение цели затруднено возможностью вмешательства неконтролируемых действующих субъектом обстоятельств, которые не дают достичь результата. В итоге, результат поступка не находится в сфере индивидуально ответственного выбора. Можно, конечно, предположить, что целью являются не сами по себе сохранение жизни другого или облегчение его положения, а совершение действий, которые создают их наибольшую вероятность. Действующий субъект выполнил свой долг, когда сделал все, что мог, чтобы спасти или помочь. Однако и в этом случае отсутствует определенность в вопросе о требуемых действиях – оптимальный алгоритм спасения или помощи неизвестен. А тот, кто в точности не знает требований, никогда не может быть уверен в их выполнении. В сфере запретов, по мнению А.А. Гусейнова, напротив, нет зависимости достижения цели от внешних обстоятельств и, значит,

¹ Цицерон. Об обязанностях // Цицерон. О старости. О дружбе. Об обязанностях. М.: Наука, 1993. С. 63.

² Гусейнов А.А. Нравственность в свете негативной этики // Настоящее издание. С. 31.

нет неопределенности в том, как следует себя вести. Так как в этом случае действующий субъект стремится не к возникновению изменений во внешнем мире, а к невозникновению запрещенного действия, то при отчетливом понимании того, какое действие запрещено, он точно знает, в чем его цель, и точно знает, как ее достичь. Именно поэтому возникает следующий вывод: «Для следования запретам не требуется ничего, кроме решимости следовать им» (другая версия того же вывода: «негативные поступки абсолютны. Они абсолютны в том смысле, что моральный индивид имеет над ними абсолютную власть»)¹. Соответственно, именно в сфере исполнения запретов все элементы поступка (целеполагание, изыскание средств, достижение результатов) находятся под ответственным контролем индивида. При отождествлении морали (нравственности) и индивидуально-ответственного поведения, она не может быть чем-то иным, кроме как совокупностью запретов.

Третий аргумент отсылает нас к вопросу о возможности идентифицировать подлинные мотивы тех поступков, которые формально, т.е. по своему внешнему рисунку, могут получить квалификацию морально положительных. По мнению А.А. Гусейнова, лишь этика запретов способна обеспечить такую возможность. В сфере исполнения запретов исключена не только неопределенность должного поведения, но и психологический самообман. Другими словами, исполнение позитивной обязанности помощи или заботы может быть следствием действия внеморальных мотивов, прикрытых соображениями об исполнении обязанности, а соблюдение запрета мотивируется обязанностью в чистом виде. Если обратиться к статье «Нравственность в свете негативной этики», то в ней эта идея выражена следующим образом: «Негативный поступок представляет собой духовно напряженный акт. Он рождается в борьбе, и сознание нравственной безусловности запрета является его единственным мотивом»². В одной из первых работ Гусейнова, посвященной разработке негативной этики, эта мысль представлена заметно более очевидно: «Любое позитивное действие, сколь бы большого возвышения, даже героизма оно не потребовало от того, кто его совершил, содержит в себе элемент нравственной сомнительности в том смысле, что всегда можно найти также привходящие (внеморальные) субъективные основания, которые подвигли человека к нему. Нравственно чистым может быть только по-

ступок, который не совершен, – поступок, от которого человек отказался, несмотря на давление внутренних и внешних обстоятельств»¹. Соответственно, так как условием моральности поступка является совпадение формальной правильности действия и его должной мотивации, цели морального субъекта становятся достижимыми только в том случае, если нравственная нормативность включает в себя одни лишь запреты.

Является ли подобная аргументация безупречно убедительной? У меня нет такого впечатления. Что касается первых двух аргументов, то связанное с ними рассуждение порождает существенные теоретические проблемы, поскольку определенность действий, требуемых запретами, в действительности, не абсолютна. Здесь также есть о чем спорить и в чем сомневаться. Для начала можно привести известный пример из истории этической мысли, касающийся осмысления запрета на убийство в рамках доктрины двойного эффекта. Казалось бы, запрет на убийство предельно определен: убийство есть намеренное умерщвление другого человека, и оно морально недопустимо. В каждом случае, где присутствует действие, которое приводит к смерти другого, и эту смерть можно было предвидеть, а на основе такого предвидения – не причинять, имеет место убийство. Однако уже у Фомы Аквинского мы встречаем мысль о том, что в таких ситуациях, как самооборона, умерщвление другого человека не является нарушением заповеди «не убий», поскольку намерение обороняющегося состоит в том, чтобы сохранить свою жизнь, а не в том, чтобы отнять жизнь у агрессора. Отсутствие намерения совершить убийство удостоверяется тем, что обороняющийся использует ровно столько силы, сколько требуется, чтобы не быть убитым, и только тогда, когда его жизнь находится под угрозой². Позднее в католической этической мысли возникает важное уточнение: свидетельством ненамеренности причинения смерти ради оправданной и соразмерной потерям цели является то, что смерть не выступала в качестве необходимой причины (или необходимого средства) достижения этой цели. Конечно, можно назвать доктрину двойного эффекта искусственной казуистикой и моральным ревизионизмом. Однако само существование предложенного схоластами рассуждения и то, что оно играет роль центрального нравственного убеждения очень мощ-

¹ Гусейнов А.А. О сослагательном наклонении морали // Вопросы философии. 2001. № 5. С. 28.

² См.: Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 47–122. Киев: Ника-Центр, 2013. С. 218–219.

¹ Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 29; Гусейнов А.А. Что я понимаю под негативной этикой // Вестник МГУ. Сер. 7. Философия. 2009. № 6. С. 14.

² Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 30.

ной и жизнеспособной моральной традиции, свидетельствует о наличии значительной неопределенности в сфере моральных запретов.

Другой аспект неопределенности касается действий, которые нарушают запреты на убийство, причинение физического страдания или ущерба здоровью не в силу прямого и очевидного намерения причинить смерть, боль или увечье, а в силу создания вполне предвидимого риска в ходе преследования иных целей. В каких-то случаях действия, создающие риск, квалифицируются как безнравственные поступки, как убийство или виновное причинение вреда. На каждом человеке лежит обязанность не создавать угроз безопасности другого человека. Однако дело в том, что никто не может преследовать свои вполне приемлемые с нравственной точки зрения цели, вообще не создавая таких угроз. Поэтому в качестве нарушения обычно рассматривается не создание угрозы как таковой, а лишь создание повышенного риска ее реализации. Например, автомобилист понимает, что на дороге может выскочить маленький ребенок, и в его силах полностью исключить опасность гибели ребенка под колесами собственного автомобиля, отказавшись от такого способа передвижения. Однако в качестве нарушения воспринимается не само создание риска (использование автомобиля), а несоблюдение скоростного режима. Другими словами здесь мы имеем дело с запретом, определенность которого обеспечивается выбором какого-то порога нравственно недопустимого риска. Этот порог во многом произволен, конвенционален, опирается на общее мнение и экспертные оценки, а значит, не дает действующему субъекту полной уверенности в том, что моральная норма соблюдена.

Третье обстоятельство, выводящее запреты из сферы абсолютной определенности, касается конфликта норм и конфликта обязанностей. Если такой конфликт существует, и соблюдение одной нормы автоматически означает нарушение другой, то это ярко демонстрирует, что для соблюдения всей совокупности норм недостаточно иметь решимость следовать им, надо еще и счастливо избежать ситуации конфликта. Часто считается, что приоритет запретов над предписаниями исчерпывающим образом решает это затруднение. Если в столкновении запрета и предписания всегда побеждает запрет, а запреты не могут конфликтовать между собой, но трагическая ситуация, в которой действующий субъект лишается практической самостоятельности, просто не возникает. Однако действительно ли запреты не конфликтуют между собой? Конечно, параллельное, одномоментное исполнение запрета по отношению ко множеству (даже бесконечному множеству) людей воз-

можно, а исполнение предписаний, как правило, нет. Воздерживаясь от насилия в отношении одного человека, несложно воздерживаться от насилия в отношении другого, а спасение и помощь часто предполагают выбор между теми, кого можно спасти или кому можно помочь. Однако конфликт разных запретов все же возможен. Представим себе ситуацию, в которой больной, которого с большой вероятностью может убить любое сильное волнение, задает врачу вопрос о том, как обстоят дела у человека, который ему очень близок. Врач знает, что тот человек погиб, и оказывается перед трудным выбором. Его затруднение состоит в том, что он не может одновременно исполнить запрет на убийство и запрет на ложь.

Впрочем, и сама логика выявления центрального места запретов в сфере морали (нравственности), используемая А.А. Гусейновым, не кажется мне безупречной. Запрет на насилие важен не потому, что исполняющий его получает возможность обрести пространство ответственного контроля над своей деятельностью или отграничить сферу, в которой он будет самостоятельным деятелем, а потому, что в запрете отражается особый, защищенный статус другого человека. Проблема не в том, чтобы избавиться от риска в области итоговых нравственных суждений о себе самом, а в том, чтобы сохранить за другим человеком статус неприкосновенной человеческой личности. В противном случае, сосредотачивая внимание на столь желанной определенности запретов и пугающей неопределенности предписаний, мы начинаем подгонять нормативное содержание морали под свою потребность получить гарантии положительной моральной самооценки¹.

Что касается третьего аргумента, выводом из которого является утверждение, что «соблюдение (несоблюдение) запрета удостоверяется с точностью, исключающей как обман, так и самообман»², то в его отношении у меня также есть сомнения. Мы знаем, что всегда существует возможность

¹ Нельзя, конечно, сказать, что эта мысль совершенно чужда А.А. Гусейнову. Например, он ведет речь о том, что запреты на ложь и убийство поддерживают такие отношения между людьми, которые носят «человекоутверждающий характер» (Гусейнов А.А. Мораль: между индивидом и обществом // Общественная мораль: философские, нормативно-этические и прикладные проблемы; под ред. проф. Р.Г. Апресяна. М.: Альфа-М, 2009. С. 38). Однако этот момент «человекоутверждения» не становится самостоятельной точкой отчета для обсуждения вопроса об исключениях из моральных запретов и о роли позитивных предписаний в обосновании таких исключений.

² Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 30.

подать милостыню не потому, что это долг, а потому, что данный, конкретный нищий вызвал нашу симпатию, не имеющую отношения к пониманию его тяжелого положения. Если бы он не вызвал такой симпатии, акт помощи не состоялся бы. Значит такой акт не служит проявлением разумной сознательной воли, не является в полном смысле слова моральным поступком. Но почему с исполнением запрета не может сложиться такой же ситуации? К примеру, я не убиваю потому, что органически не переношу вида предсмертных страданий и мертвых тел, и скрываю это, в том числе, от самого себя, с помощью рассуждений о якобы существующем у меня безусловном уважении к заповеди «не убий». Как только возникнет ситуация, позволяющая мне убивать без созерцания того и другого, я легко пойду на подобное действие при наличии минимальной заинтересованности в совершении убийства. Значит, я все же могу обманывать себя по поводу мотивации исполнения запрета. И никогда не могу быть уверенным в том, что сознание нравственной безусловности запрета – мой единственный мотив.

Наконец, тезис о центральной роли и исключительном значении запретов для морали (нравственности) необходимо сопоставить с теми положениями концепции А.А. Гусейнова, которые предшествуют его выдвижению и которые уже были затронуты мною выше.

Во-первых, с положением о высочайшей степени индивидуализации моральной практики. Гусейнов утверждает, что добродетели и нормы «позволяют квалифицировать совершенные, уже состоявшиеся поступки по нравственному критерию, но они не говорят о том, что и как должен делать, какие совершать поступки тот или иной индивид в единственности занимаемого им в бытии места»¹. Однако, если этими нормами являются фундаментальные запреты, то они предписывают воздержание от определенных действий независимо от места индивида в бытии. И именно это их свойство, по сути, становится одним из оснований для выделения запретам центрального места в рамках морали (нравственности). В терминах философии поступка Бахтина, принятой в целом Гусейновым, мораль построена на приоритете «нравственной» ответственности над «специальной», подписи под поступком над его содержанием: «Из специальной ответственности, говорящей о том, насколько поступок возможен в успешном

варианте, какие для его совершения имеются средства, вовсе нельзя сделать заключение о том, должен или нет данный конкретный индивид совершить его»¹. Однако, если «специальная», содержательная ответственность задана именно запретом, то такое «заключение», без сомнения, предполагается, ведь негативный поступок однозначно вменен индивидам к совершению. Это означает, что этика, ориентированная на запрет, должна быть охарактеризована как выражение диктата содержания поступка над индивидуальной подписью под ним.

Во-вторых, с рассуждением о том, что содержание моральных ценностей и принципов определяется стремлением людей замкнуть свою целесредственную пирамиду какой-то высшей, не превращающейся в средство целью. Если этой целью является в конечном итоге выполнение нравственных запретов, то мы должны предположить либо то, что все прочие действия должны совершаться ради соблюдения запретов и в меру продвижения этой цели, либо то, что все прочие действия вообще не имеют значения. Совершенно очевидно, что А.А. Гусейнов ведет речь не об этом, а лишь о том, что прочие действия должны совершаться на фоне соблюдения запретов, внутри того пространства, которое создает их соблюдение. У меня в этой связи возникает предположение, что такая роль запретов не соответствует отождествлению нравственных целей и ценностей с высшим благом. В этом смысле интересно сравнить негативную этику А.А. Гусейнова с аристотелианской этической традицией, из которой взята идея высшего блага. Для Аристотеля высшее благо – это счастье, или реализация комплексного человеческого предназначения. Оно действительно суммирует в себе многообразие человеческих целей, а не только ограничивает его.

Подводя итог обсуждению роли запретов в морали (нравственности), я хотел бы сказать, что введение однозначного примата запретов по отношению к предписаниям, вызывает сомнения, поскольку существуют разные критерии их соотношения. По параметру *категоричности и очевидности требований* запреты, несомненно, впереди предписаний. Однако отсюда вряд ли следует безусловный нормативный приоритет запрета, даже такого, как запрет на насилие или запрет на ложь. Мне представляется, что спасение множества людей (а это будет исполнением предписания) за счет нарушения данных запретов вполне может оказаться оправданным. Вместе с тем *по сво-*

¹ Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 285.

¹ Гусейнов А.А. Настоящее издание. С. 285.

ей ценностной высоте, по своей роли для высших форм нравственного совершенства исполнение некоторых предписаний гораздо более значимо, чем исполнение запретов. Таковы, например, постоянное осуществление заботы о других людях (в особенности, о людях, не являющихся близкими) или одномоментное самопожертвование ради спасения других людей. Эти действия выступают как проявления моральной виртуозности, в то время как исполнение запретов представляет собой лишь сохранение минимальной нравственности.

К.А. Свасьян

Будущее морали

А: А. Гусейнову

1

Нижеследующие заметки возникли как попытка осмыслить проблему морали в иной (неклассической) парадигме. Было бы нелепо видеть здесь критику или, что хуже, претензию на объективность. Об объективности (в смысле общезначимости, всеобщности) уместно все же говорить там, где мысль имеет дело с фактами или с чисто формальными правилами, на которые она равняется и от которых, собственно, зависит, насколько она правильна или не правильна. Это сфера обобщаемого, а потому и поддающегося исчислению. Разумеется, и здесь налицо оговорки и исключения, потому что ни одна вещь, ни даже система парового отопления, не может быть обобщена полностью. Но кроме сферы общего есть еще и сфера частного, особенного, индивидуального, где присутствие непредсказуемого, не поддающегося учету всегда омрачает господство общего, так что принцип обобщения, который требует осторожного применения даже в мире механики, вообще неживого, здесь просто разрушителен. Если человеческое и поддается обобщениям, то не иначе, как ценою умаления, смещения в массовое и безличное. Исключением был бы какой-нибудь один человек, который настолько осуществил бы себя в своем *человеческом*, что, не переставая быть собой, *воплощал* бы собой само понятие «человек». Борьбой названных начал – общего и индивидуального, логического и алогического – пронизана жизнь и история, но, наверное, нигде эта борьба не явлена с большей очевидностью и непримиримостью, чем в морали.

2

Можно знать, что анамнез этой самой затяжной и неизлечимой из философских болезней уходит корнями в так называемую «теорию двух миров», беру-